

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

На правах рукописи

ЮНУСОВ Марат Мингалиевич

**ИСТОРИЯ ГОРОДОВ ФИНИКИЙСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э.**

Специальность 07.00.03 –
«всеобщая история (древний мир)»

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург

2011

Работа выполнена в отделе Древнего Востока Института восточных рукописей РАН.

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор Циркин Юлий Беркович

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук Виноградов Юрий Алексеевич
(отдел истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН);

кандидат исторических наук Клочков Игорь Сергеевич
(кафедра Древнего Востока восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета)

Ведущая организация: Государственный Эрмитаж

Защита состоится 16 декабря 2011 г., в 11 часов на заседании Диссертационного совета Д 002.041.01 при Институте восточных рукописей РАН по адресу: 191186 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института восточных рукописей РАН.

Автореферат разослан «____» ноября 2011 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
доктор исторических наук, доцент

ФРАНЦУЗОВ С.А.

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Восточному Средиземноморью во второй половине II тысячелетия до н.э. посвящено большое количество работ отечественных и зарубежных авторов. Важную роль в истории этого региона играли финикийцы, поэтому не случаен интерес к ним египтологов, хеттологов, ассириологов, археологов, библеистов.

Географическое и хронологическое понимание терминов «финикийский» и «финикийцы» вызывает споры среди исследователей. Сами жители «финикийского» Восточного Средиземноморья при самоидентификации ограничивались указанием на город своего происхождения или проживания – «библит», «сидонянин», «арвадец» и т.п. Интересно свидетельство Августина Блаженного о том, что местные жители в Северной Африке, выходцы из городов Восточного Средиземноморья, говорившие на пуническом языке, даже в первые века н.э. называли себя «ханаанеями» (August., Epist. ad Rom. Inch. exposit., 13).

В современной науке принято мнение, что с учетом политических, экономических, лингвистических и культурных признаков можно говорить о сложении финикийской цивилизации к 1200 году до н.э. на территории, соответствующей приблизительно современному западному Ливану и южной части побережья Сирии.

Сторонники этой точки зрения объясняют формирование финикийской общности на основе общего языка, религии, культуры, схожести политических и социально-экономических условий в городах этого региона. Внешними факторами, ускорившими этот процесс, стали глубокие изменения, произошедшие в конце II тыс. до н.э. в Сиро-палестинском регионе в результате прихода «народов моря» (В. Рёллиг; В. Вард; С. Москати).

В. Олбрайт, отмечая, что термин «ханаанейский» исторически, географически и в плане культуры является синонимом термина «финикий-

ский», предложил использовать первый для обозначения «северозападного семитского народа и культуры западной Сирии и Палестины для времени до XII в. до н.э. и термин “финикийский” – для обозначения того же самого народа и его культуры после XII в. до н.э.»¹ В. Вард предпочитал говорить о «классических» финикийцах железного века, поясняя, что к началу XII века до н.э. они по-прежнему оставались ханаанеями, но уже отличались от своих предков и соседей собственной, уникальной культурой. Д. Барамки полагал, что финикийская общность сложилась на основе слияния протофиникийцев-ханаанеев и «народов моря» индоевропейского происхождения примерно в 1100 г. до н.э.

Некоторые исследователи считают возможным говорить о появлении финикийцев в регионе с начала II или даже начала III тыс до н.э. О. Айсфельд предполагал, что миграция финикийцев на восточное побережье Средиземного моря началась около 3000 г. до н.э. и проходила в четыре этапа. И.М. Дьяконов считал, что в конце III тыс. до н.э. на берегах Средиземного моря обосновалась та группа племен, вышедших из Северной Аравии и говоривших на западносемитском наречии ханаанейской группы, которая позже носила имя финикийцев. Ж. Контено, на примере угаритского материала, относил появление финикийцев в регионе к середине III тыс. до н.э.

Представление о приходе финикийцев на ливанское побережье восходит к исторической традиции тирских жрецов, переданной Геродотом. Согласно его рассказу, тиряне пришли на побережье Средиземного моря с Красного (Эритрейского) моря. Следует отметить, что не все исследователи склонны верить в достоверность этого факта.

Вместе с тем, как свидетельствуют данные археологии, появление пришельцев на побережье Средиземного моря, если верить тирским жрецам, существенно не повлияло на материальную и духовную культуру ав-

¹ *Albright W.F. The Role of the Canaanite in the History of Civilisation // The Bible and the Ancient Near East. Essays in honor of William Foxwell Albright, ed. by G.E. Wright. London, 1961. P 328.*

тохтонного, преимущественно ханаанейского, населения, в отличие, например, от прихода амореев из сирийской степи на это побережье на рубеже III и II тыс. до н.э. Появление амореев, как показывают, например, археологические материалы из Библа, внесло новые весьма заметные черты в материальную и духовную культуру жителей этого города.

В современной науке, как было отмечено выше, признается факт существования финикийцев как отдельной общности. Многочисленные исследования по их цивилизации посвящены главным образом изучению искусства, религии, эпиграфики, ремесел, торговли, военного дела. Политическая история финикийских городов служит, как правило, лишь кратким предисловием к этим работам и рассматривается для времени после XII-X вв. до н.э.

Как показано в диссертации, население финикийской части средиземноморского побережья, состоявшее из коренных ханаанеев и пришельцев-амореев, во второй половине II тыс. до н.э. жила в относительно замкнутом географическом и политическом пространстве. Ведущим фактором, обусловившим эту политическую замкнутость, была зависимость от Египета. Представляется, что именно эти обстоятельства (географические и политические) способствовали выделению финикийцев в отдельную общность, отличную от их близкородственных соседей - ханаанеев Палестины и многочисленных племен горного Ливана. В этой связи можно, вероятно, считать XV в. до н.э. отправным моментом начала зарождения финикийской цивилизации.

Предметом исследования является ранняя история городов региона Восточного Средиземноморья, население которых позднее, в начале I тыс. до н.э., станет известным у античных авторов начиная с Гомера под именем «финикийцы», «мужи и жены Сидона», «сыны Тира».

В данной работе под термином «финикийские города» понимаются основные населенные пункты Восточного Средиземноморья от Арвада на

севере до Тира на юге в «доклассический» финикийский период – во второй половине II тыс. до н.э.

Степень разработанности темы. История городов финикийского побережья, принимавших активное участие во многих событиях этого времени, в современных исследованиях освещается главным образом либо в контексте взаимоотношений великих держав Ближнего Востока (Египта, Хеттского царства, Ассирии), либо для прояснения и сравнения отдельных аспектов социально-экономического развития многочисленных городов-государств Сирии и Палестины. В некоторых монографиях и специальных статьях, рассматриваются частные аспекты политической истории и социально-экономического положения в Библе, Сидоне и Тире.

В работах В. Хелька² и Х. Кленгеля³, посвященных истории Сирии и египетско-переднеазиатским связям в III-II тыс. до н.э., содержится практически полный свод письменных данных о финикийских городах, известных науке до 80-х гг. прошлого века. В монографии Я. Катценштейна⁴, посвященной Тиру, рассматривается история этого города и его отношения с соседними городами и государствами с начала II тыс. до н.э. В основном автор использует ту же самую источниковую базу. Между тем, за последние десятилетия накопился дополнительный эпиграфический и археологический материал, опубликованный в различных печатных и электронных изданиях. Эти данные активно привлекаются исследователями, которые занимаются частными аспектами финикийской цивилизации (религия, искусство, филология). Однако следует отметить, что в настоящее время нет специальных работ, которые были бы посвящены политической истории непосредственно финикийских городов во второй половине II тыс. до н.э. как отдельных городов-государств восточно-

² *Helck W.* Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr.. Wiesbaden, 1962 (zweite, verbesserte Auflage, Wiesbaden, 1971).

³ *Klengel H.* Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v. u. Z. Teil 1-3. Berlin, 1965-1970; *idem*, Syria: 3000 to 300 B.C. A Handbook of Political History, Berlin, 1992.

⁴ *Katzenstein J.H.* The History of Tyre. Jerusalem, 1973. (rev. ed. 1997).

средиземноморского региона, а не общеисторического «фона» в истории Египта, Сирии и Палестины.

Хронологические рамки данного исследования охватывают период начиная с воцарения в Египте фараонов Нового царства и их первых походов на север в начале XV в. до н. э. и заканчивая X в. до н.э., когда упадок Египта при правителях XX династии и ослабление военной угрозы со стороны Ассирии, переживавшей внутривосточный кризис, позволили многочисленным финикийским городам побережья впервые за всю свою историю самостоятельно проводить внешнюю политику.

Абсолютные даты, используемые в работе, определяются синхронизмами с правлениями фараонов XVIII-XX династий и археологической хронологией эпохи поздней бронзы Палестины и Сирии, предложенной А. Мазаром.

Источниковую базу исследования составляют письменные памятники из Египта, Угарита, Ассирии, надписи на финикийском языке правителей городов Восточного Средиземноморья, труды античных авторов и данные археологических исследований.

Методология. Основой диссертационного исследования является метод сопоставительного анализа, предусматривающий комплексное изучение различных видов источников. В работе используются принятые в современном востоковедении и филологии методы критического и источниковедческого анализа. Применение конкретных методов обусловлено особенностями источниковой базы. Используется сравнительно-исторический подход, методы терминологического анализа письменных источников. При исследовании древнейшей топографии Финикии учитываются результаты археологических исследований последнего времени, проведенных на территории нынешних Ливана и Сирии.

Цель исследования. В настоящей работе предлагается на основе комплексного анализа источников представить политическую историю и

политико-административную структуру финикийских городов второй половины II тыс. до н.э. с учетом данных последних лет по топонимии, эпиграфике и археологии Восточного Средиземноморья. Для достижения этой цели поставлены **следующие задачи**:

1) Представить имеющуюся источниковую базу, включающую в себя многоязычный и во многом фрагментированный ряд египетских и, позднее, угаритских, ассирийских и, собственно, финикийских источников, и сделать, где это возможно, сопоставительный анализ полученных данных.

2) Рассмотреть историческую географию финикийских городов на основе данных эпиграфики и археологии, а также современной ливано-сирийской топонимии.

3) Опираясь на доступные источники, выделить отдельные этапы политической истории городов финикийского побережья и их связь с окружающим миром.

4) Рассмотреть государственно-политическое устройство городов этого региона, а также некоторые аспекты их социально-экономического и культурного развития, разумеется, с учетом неполноты дошедших до нас данных.

Решение этих задач предполагает создание базы, на основе которой может быть продолжено изучение других вопросов истории и культуры народа/народов Восточного Средиземноморья.

Научная новизна исследования определяется, прежде всего, тем, что оно является практически первым в отечественной науке опытом целостного изучения исторических данных, касающихся непосредственно истории финикийцев на протяжении пяти столетий, на материале собственных финикийских и иноземных источников, а также последних данных археологии. В исследовании с осторожностью привлекаются источники, лишь косвенным образом отражающие историю финикийского субрегиона, чтобы не допустить интерпретации событий *ex silentio*.

Практическое значение работы состоит в том, что ее материалы могут служить справочным пособием по некоторым аспектам финикийской историографии, а также могут быть использованы при разработке спецкурсов, посвященных истории финикийского субрегиона Восточного Средиземноморья в XV-X вв. до н.э. Материалы диссертации могут послужить основой для дальнейшей работы по изучению двусторонних и многосторонних финикийско-египетско-хеттско-ассирийских связей.

Апробация исследования. Основные положения диссертации были изложены в виде докладов и сообщений на заседаниях Отдела Древнего Востока Института восточных рукописей РАН (СПб ФИВ РАН), а также на следующих научных конференциях:

1) Конференция по источниковедению и историографии Восточного факультета СПбГУ. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, 2001.

2) XXII Научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, 2003.

3) Конференция по Древнему Востоку, посвященная 115-й годовщине со дня рождения академика В.В. Струве (1889-1965). Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, 2004.

4) Юбилейная научная конференция «От Азиатского музея к Институту восточных рукописей РАН: 190 лет востоковедных исследований». Санкт-Петербург, Институт восточных рукописей РАН, 2008.

5) Третья городская научная конференция «Осенний Equinox», посвященная памяти Н.В. Юшманова. Санкт-Петербург, Петербургский институт иудаики, 2010.

6) Международная конференция Sol Invictus (Непобедимое Солнце), посвященная памяти В.Г. Ардзинбы. Санкт-Петербург, Петербургский институт иудаики, 2010.

7) Конференция по иудаике "Весенний Equinox". Санкт-Петербург, Петербургский институт иудаики, 2011.

Некоторые вопросы диссертации были изложены в статьях, опубликованных в научных исторических изданиях: Ассириология и египтология (Санкт-Петербург, 2004, 2006), Вестник древней истории (Москва, 2005), Актуальная библеистика (Кирово-Чепецк, 2011).

Структура диссертации. Работа состоит из Введения, четырех глав, Заключения, списка сокращений, списка использованной литературы, а также Приложений. Объем работы 231 страница.

Основное содержание работы

Введение. Здесь обоснованы актуальность темы исследования, ее научная новизна, определены цель, задачи, структура диссертации, ее хронологические рамки.

Глава I. История изучения финикийской цивилизации

В XV-XVII веках в Европе стали появляться монеты и надписи на неизвестном доселе финикийском языке, который не поддавался дешифровке. С открытием в XVIII веке двуязычных надписей на Кипре и Мальте начался этап планомерного изучения финикийского языка. Первыми в Европе приступили к дешифровке надписей англичанин Джон Суинтон (John Swinton, 1703-1777) и француз Жан-Жак Бартеlemi (Jean-Jacques Barthélemy, 1716-1795).

По-настоящему систематическое и научное изучение финикийской цивилизации началось лишь в 1835 г., когда вышла в свет книга В. Гезениуса «Палеографические исследования финикийского и пунического письма», за которой последовала его публикация первого каталога известных на тот период эпиграфических памятников. В предисловии к сборнику В. Гезениус представил все известные на тот период сведения о финикийском языке и культуре финикийцев.

Несколькими годами позже Ф. Моверс издал фундаментальный четырехтомный труд «Финикийцы», в котором были собраны и систематизированы все эпиграфические, библейские и античные сведения о финикийцах.

В 1860-1861 гг. французская экспедиция во главе с Э. Ренаном, провела полевые исследования на территориях современных Ливана и Сирии и опубликовала по их итогам двухтомный отчет «Миссия в Финикию», положив тем самым начало изучению региона и наметив основные пути археологических и этнографических поисков. По инициативе Э. Ренана начали издавать «Corpus inscriptionum semiticarum», первый том которого содержал известные в то время финикийские надписи.

В конце XIX и начале XX вв. появились важные обобщающие работы по истории финикийцев Р. Пичмана, Г. Роулинсона, А. Гутшмида, Э. Мейера. Одновременно продолжилось активное изучение финикийского и пунического языков исследователями, чьи работы считаются «настолярными книгами» для всех семитологов нашего времени, занимающихся этими вопросами: П. Шредером, М. Лидзбарски, Г. Куком, З. Харрисом, И. Фридрихом и В. Рёллигом.

Большой вклад внес в изучение финикийской цивилизации В. Олбрайт, посвятивший множество статей общим и частным вопросам истории, филологии и культуры финикийцев. Многочисленные работы Р. Дюссо по вопросам истории, религии, искусства финикийцев не утратили научного значения и в наши дни. Большое практическое значение имеет его исследование по исторической географии Сиро-палестинского региона.

В начале XX века на помощь историкам и лингвистам пришла археология. Особое место в этих археологических исследованиях принадлежит П. Монте и М. Дюнану. Последний осуществил систематические

раскопки на территории Библа и в его окрестностях, продолжавшиеся с перерывами до 1960-х гг.

Археологические раскопки в других городах левантийского побережья не проводились систематически, т.к. большинство древних поселений перекрыты современными поселками и городами. Это касается Тира, Сидона, Бейрута, Арвада. Их археологические материалы лишь незначительно дополнили уже имевшиеся сведения, полученные главным образом из Библа.

С начала 1960-х годов начался новый этап в изучении финикийской цивилизации. В этом направлении стали активно работать итальянские исследователи С. Москати, М. Ливерани, Дж. Буччеллати, Дж. Гарбини и их многочисленные ученики. Французская и бельгийская школы финикийских и пунических исследований представлены трудами таких выдающихся историков и лингвистов, как Х. Теиксидор, М. Шницер, А. Како, Г. Бюннен, К. Бонне, А. Лемэр, Э. Липински и др. Большая заслуга в изучении финикийского языка принадлежит чешскому семитологу С. Зегерту.

В отечественной науке впервые финикийская история и мифология были рассмотрены в классических трудах Б.А. Тураева. В пятидесятых годах прошлого века И.Н. Винников перевел и исследовал некоторые наиболее значительные эпиграфические памятники финикийского языка. В последующие годы историю и культуру финикийцев затрагивал И.М. Дьяконов, написав специальную главу «Сирия, Финикия и Палестина» для «Истории Древнего мира», которая отразила последние на то время данные по истории финикийцев.

И.Ш. Шифман, первый отечественный исследователь, приступивший к систематическому изучению финикийцев и их контактов с окружающим миром в период колонизации Средиземноморья, написал ряд важных монографий по истории, культуре и языку финикийцев. В настоящее время финикийской историей позднего периода занимается

Ю. Б. Циркин. Главной областью его научных интересов является Карфагенская держава, ее взаимоотношения с Древним Римом и древнейшая история Испании, в которой заметное место занимали финикийские колонисты.

Глава II. Источники по исторической географии и социально-политической истории

В *первом разделе* представлены письменные источники II – начала I тыс. до н.э. В древнеегипетских текстах упоминания о финикийских городах, начиная с периода Среднего царства, встречаются в Текстах проклятий – магических списках населенных пунктов, написанных чаще всего на схематических фигурках пленников. В период XVIII династии Нового царства появляются подробные отчеты о боевых действиях фараонов в Сирии и Палестине, а также пространные топографические списки, записи высокопоставленных египетских сановников и магические папирусы, в которых также упоминаются финикийские города.

Политическая история XIV века до н.э. лучше всего отражена в амарнской переписке, сохранившей около 400 писем и фрагментов из переписки Аменхотепа III и Аменхотепа IV (Эхнатона) с правителями соседних государств и наместниками небольших городов, бывших в политической зависимости от Египта. В письмах из Библа, Тира, Сидона, Беруты, Иркаты, Арвада, Ардаты и Цумура неоднократно упоминаются и другие небольшие города, находившиеся на побережье Средиземного моря от мыса Кармель на юге вплоть до Угарита на севере.

Об интенсивных контактах финикийских городов с Угаритом в конце амарнского периода свидетельствует государственная и частная переписка, сохранившаяся большей частью во фрагментах текстов на угаритском и аккадском языках. Известны письма с упоминанием Библа, Тира, Сидона, Беруты, Арвада, Ардаты, Шукси, Сарепты.

Постамарнский период менее богат документальными свидетельствами. Это немногочисленные топографические списки, папирусы, в том числе рассказ о путешествии Ун-Амуна. Ассирийские источники рубежа II и I тыс. до н.э., сохранили отчеты о походах ассирийских царей в район Восточного Средиземноморья. Некоторые важные сведения о географических представлениях того времени дает Библия, что позволяет реконструировать границы Ханаана и Амурру в начале I тыс. до н.э.

Во *втором разделе* представлены основные находки археологов на территории современного Ливана и юге Сирии с середины XIX в. по настоящее время, в том числе результаты работ подводных археологов.

В *третьем разделе* сделан обзор историко-географических сведений об известных городах финикийского побережья в контексте данных археологии и сохранившихся письменных упоминаний о них начиная с середины III тыс. до н.э.

В результате бурных событий второй половины II тыс. до н.э. часть финикийских городов прекратила свое существование. Их точное местонахождение неизвестно. Часть городов превратилась со временем в заурядные населенные пункты, изменив до неузнаваемости свои первоначальные названия, а некоторые города продолжили свое развитие вплоть до наших дней.

Побережье Ливана разделено на две примерно равные части горным перевалом у реки Нахр эл-Калб, севернее современного Бейрута. Важнейшим населенным пунктом этого района с периода неолита был **Библ**. В административном подчинении к Библу находились поселения, расположенные к северу от него: **Батруна, Шигата, Амби** (и, возможно, **Бит Арха**). Все они известны из амарнской переписки.

К югу от перевала у р. Нахр эл-Калб находился **Сидон**, контролировавший прибрежную зону. В 15 км к югу от Сидона, на месте нынешнего поселения Сарафанд, находилась **Сарепта**. Этот населенный пункт продолжал существовать почти непрерывно вплоть до эпохи эллинизма.

Самым южным финикийским городом на побережье был **Тир**, который располагался на скалистом острове на расстоянии 600 – 700 м от материка. **Усу** (Ушу) – современное поселение Телл Рашидия, город-спутник Тира, снабжавший островитян водой, продуктами и топливом. В амарнский период он был местом противоборства тирян и сидонян, организовавших блокаду острова.

В 30 км к югу от Библа на месте современной ливанской столицы располагался город **Берута**. Ближайшим крупным соседом Библа к северу (в горах на северо-востоке?) было поселение **Аммия**, которое упоминается уже в списках Аменхотепа III в фиванском некрополе. Несколько раз топоним Аммия встречается в алахских эпиграфических памятниках. Можно с большой долей вероятности локализовать Аммию севернее Энфе и Амюна, ближе к северным предгорьям ливанских гор, к самой северной границе Ханаана.

Населенные пункты **Махаллата**, **Кайза** и **Майза** упоминаются один раз в начале I тыс. до н.э. в анналах Ашшурнацирапала II (883-859 гг. до н.э.) в связи с принесением дани Ассирии. Они располагались, судя по порядку их перечисления в тексте, между Библом и Арвадом.

В районе современной ливано-сирийской границы и выше на север располагались северофиникийские города. **Ардата**, как предполагают, находилась в 6 км к юго-востоку от Триполи, на месте современного Телль-Арде. Город впервые упоминается в анналах Тутмоса III, а также в амарнской и угаритской переписке. **Ирката** находилась в 20 км севернее Триполи, на месте нынешнего Телль-Арка. Процветанию города, так же как Ардаты и Цумура, положили конец походы Тутмоса III. **Арвад** находился севернее Цумура на небольшом каменистом острове, в 3 км от берега. Расцвет города, видимо, пришелся на амарнский и постамарнский периоды. В Библии Арвад, наряду с Цумуром, Сидоном и Иркатой, назван одним из «сыновей Ханаана» (Быт. 10, 15-19). **Цумур**, столица провинции Амурру в амарнский период, находился в 3,5 км от Средиземного моря, в

8 км к северу от реки Нахр эл-Кабир на месте нынешнего Телл Казел. Цумур впервые упоминается в анналах Тутмоса III в описании похода в 30-й год его правления. Уллаза находилась к югу от Цумура, близ устья реки Нахр эл-Барид. Во времена Тутмоса III город превратился в крупный порт. В амарнскую эпоху этот город напрямую подчинялся фараону и не имел своего правителя. Позднее Уллаза была захвачена Арвадом. Сукас – современный Телл Сукас, расположенный на побережье южнее Латакии, около античной Габалы, впервые упоминается в международных соглашениях между Угаритом и Сиянну. В период нашествия «народов моря» это поселение было разрушено.

Глава III.

Политическая история финикийских городов:

основные этапы

1) Завоевательные походы первых фараонов XVIII династии в Сирию и Палестину (конец XVI – XV вв. до н.э.)

В конце XVI в. до н.э., после изгнания гиксосов, в результате успешных завоеваний фараонов XVIII династии финикийские города Восточного Средиземноморья вновь попали под политическое и экономическое влияние Египта.

Первым правителем новой династии, предпринявшим попытку создания «мировой» державы, стал **Тутмос I**. О его походах в Сиро-палестинский регион известно из сообщений его современников. Эти события стали своеобразной подготовкой к победоносным походам **Тутмоса III**. После почти ежегодных военных действий его армии на территории Палестины и Сирии этот регион был включен на несколько столетий в сферу влияния Египта.

Прямых свидетельств участия финикийских городов в этих бурных событиях нет, хотя рассказы египетских летописцев о разгроме северофиникийских Уллазы, Иркаты, Цумура и Ардаты бесспорно стали отражени-

ем их активного участия в антиегипетских коалициях. Роль южнофиникийских городов, располагавшихся южнее Библа, в происходивших событиях не может быть точно определена. Сам Библ всегда оставался сакральным местом для египтян со времен Старого царства. И, очевидно, упоминание египтянином Мимнозом, современником Тутмоса III, восстановления (ремонта?) храма Баалат Губль в городе, было не случайным.

Следующий представитель династии **Аменхотеп II** совершил два похода в Палестину и на юг Сирии, но в этой связи финикийские города не упоминаются.

2) Амарнский период (XIV в. до н.э.)

Начиная, по меньшей мере, с последней трети длительного правления **Аменхотепа III** египетская внешняя политика утратила свой экспансионистский характер и сосредоточилась главным образом на сохранении сложившегося статус-кво. Некоторое ослабление египетской власти в Азии, лишь спорадическая отправка в Сирию и Палестину небольших египетских вооруженных отрядов, усиление соседних государств, стремившихся к расширению своего влияния в регионе, привели к развитию центробежных сил в зависимых от египтян вассальных государствах. В середине XIV в. до н.э. все Восточное Средиземноморье, согласно сведениям амарнской переписки, переживало глубокий политический и социально-экономический кризис, который затронул все слои общества и имел большое влияние на дальнейшее развитие региона.

Города финикийского побережья входили в тот период в состав египетской «провинции» Амурру, с административным центром в Цумуре. В этой провинции постепенно сложилась новая политическая сила – коалиция многоэтнической, социально разнородной общности хапиру и местных лидеров – **Абди-Аширты** и его сыновей, потомков главы какого-то небольшого племенного союза в северных предгорьях ливанских гор.

Вопросы о социальной сущности и этническом составе **хапиру** в настоящее время остаются не вполне решенными. По мнению большинства

авторов, хапиру представляли собой разноэтнические самоорганизовавшиеся группы людей без определенной государственной принадлежности, бежавших по разным причинам из своих родных мест. Исследователи особо выделяют их враждебность по отношению к египетским властям (И.М. Дьяконов; А. Мазар; Ю.Б. Циркин; J. Bottero; W. Helck; H. Klengel). В амарнской переписке для обозначения хапиру почти повсеместно используются шумерограммы SA.GAZ. Лишь в письмах иерусалимского правителя Абди-Хебы (EA 142-146)⁵ встречается фонетическая передача этого имени *Ū-bi-ru*. Именно воины-хапиру стали главными исполнителями воли клана Абди-Аширты, а также хеттов, стремившихся установить свою власть над подчиненными Египту городами на юге Сирии и на севере Ливана.

Большинство дошедших до нас писем из амарнского архива были написаны в Библе. Это не случайно, так как его правитель **Риб-Адди** регулярно информировал фараонов о происходивших событиях в регионе. Несмотря на некоторую непоследовательность изложения событий, заведомую предвзятость по отношению к политическим противникам и вполне оправданную эмоциональность эти письма, в сочетании с немногими сохранившимися посланиями из других городов, позволяют проследить развитие отношений Библа с лидерами движения хапиру, соседними городами Тир, Сидон, Берута, а также внутривосточную ситуацию в них.

История Библа амарнского периода тесно переплетена также со становлением государства **Амурру** на территории Северного Ливана, которое позднее занимало северную часть египетской «провинции» Амурру. Его основатель Абди-Аширта в самом начале событий, отраженных в дипломатической переписке, очевидно, воспользовавшись нападением воинов города Шехлал на Цумур - резиденцию египетского наместника **Паханате** во время его отсутствия, направил свои войска из Иркаты и Ардаты на

⁵ Die El-Amarna-Tafeln, mit Einleitung und Erläuterungen hrsg. von J.A. Knudtzon; Anmerkungen und Register bearbeitet von Otto Weber und Erich Ebeling. Erster Teil. Die Texte. Lpz., 1907.

защиту города. Ирката и Ардата незадолго до этого признали власть Абди-Аширты после бунта и убийства своих правителей, очевидно, инспирированных амбициозным лидером хапиру. Абди-Аширта в письме к Паханате представил захват Цумура как акт спасения города от захватчиков (ЕА 62:21-34).

Разумеется, эти события были интерпретированы в Библие совсем по-другому. Риб-Адди в своих письмах в Египет неоднократно просил оказать ему военную помощь, подчеркивая, что происходящие события в Цумуре представляло собой насильственный захват собственности фараона и узурпацию власти самозванцем (ЕА 84:11-18).

Несмотря на все предупреждения об опасности и просьбы библиского правителя о помощи египтяне оставляли их длительное время без внимания, признавая какое-то время де-факто Абди-Аширту наместником (вице-наместником?) провинции Амурру. Тем временем ему подчинились один за другим все города к северу от Библа. Большинство горожан добровольно открывали городские ворота, поддавшись на призывы Абди-Аширты расправиться со своими правителями (ЕА 74:25-38).

Следующим шагом Абди-Аширты и его последователей стала блокада морских торговых путей, по которым жители прибрежной зоны снабжались продовольствием, прежде всего хлебом. Основным хранилищем зерновых в провинции Амурру была Йаримута, которая, видимо, хорошо охранялась постоянным контингентом египетских войск. Основным местом распределения и/или продажи хлеба был Цумур. На это указывают письма из Беруты. Правитель этого города **Йаппа-Хадди** написал влиятельному **Йанхаму** в Египет, что после взятия Шигаты и Амби союзники Азиру направили в эти порты суда из Арвада, чтобы препятствовать доставке хлеба (из Йаримуты) в Цумур (ЕА 98).

Вслед за взятием городов у северных предгорий Ливанских гор отряды хапиру вплотную подошли к населенным пунктам, находившимся в непосредственном административном подчинении Библу. Первыми сда-

лись Шигата и Амби (ЕА 76: 18), затем Бит Арха (ЕА 79: 19). Незадолго до взятия другого города, Аммии, его жители убили своего правителя и вступили в союз с Абди-Аширтой (ЕА 81: 6-13). Через короткое время пала Батруна (ЕА 87) и враг подошел к воротам Библа, замкнув кольцо блокады города с моря и по суше (ЕА 88). Отчаянные попытки Риб-Адди заручиться поддержкой правителей Тира, Сидона и Беруты не увенчались успехом, так как интриги и заговоры, инспирированные во многом Абди-Аширтой, не позволили их правителям оказать помощь Библу, даже вопреки прямому приказу фараона (ЕА 90: 30-40).

Отношения Риб-Адди с Берутой не складывались по ряду причин, и в частности, из-за присвоения Йаппа-Хадди финансовых средств, выделенных библитом на покупку зерна у Йанхаму (ЕА 82:23-32).

И хотя сведения о конфликте дошли до фараоновской канцелярии, неизвестно, были ли истребованы присвоенные берутцем средства или нет. Во всяком случае, даже будучи обвиненным в этом же письме (ст. 39-42, и ранее в ЕА 83:25-26) в заговорщических связях с Абди-Аширтой, Йаппа-Хадди продолжит править Берутой и во времена Азиру, блокируя библские суда, направлявшиеся в Йаримуту за хлебом. При этом берутец продолжил переписку с могущественным Йанхаму, где выражал свою озабоченность действиями Азиру, сыном Абди-Аширты, который заблокировал к тому времени подступы к Цумуру. И тогда же Риб-Адди вновь поднял вопрос о своей значительной собственности (деньги на зерно?), присвоенной берутцем. Библилит прямо обвинил Йаппа-Хадди в корыстном интересе и, как следствие этого, в участии, в сговоре с Арвадом и, разумеется, с Азиру, в блокаде Библа (ЕА 105:31-32):

Драматичные события в Тире, ранний период которых описан в письмах из Библа (ЕА 77, 89, 92, 114), также не позволили этому городу поддержать библилитов. Впервые об этом городе упоминает Риб-Адди в письме к **Аманатпе**, в котором сообщает, что не может выслать в Египет

медь, так как послал ее ранее не названному по имени правителю Тира (ЕА 77:6-15).

Из другого, более позднего письма, становится известно, что сестра Риб-Адди была замужем за тирским правителем и имела от него несколько сыновей и дочерей, что указывает на относительно долгий матримониальный союз двух городов. Однако вся семья тирского правителя, видимо, была убита в ходе каких-то бурных событий в городе. Какова роль в этом преступлении непосредственно Абди-Аширты неизвестно, так как табличка, содержащая подробности этой трагедии, сохранилась лишь частично (ЕА 89:17-25). Здесь же Риб-Адди сообщает о захвате власти в городе каким-то узурпатором (имя не сохранилось), которому удалось запугать местных жителей до такой степени, что они, по версии библского правителя, не осмеливались даже сообщить о царщем беззаконии в Египет (ЕА 89:39-47).

О позиции Сидона в событиях вокруг Библа и Тира можно судить лишь по сведениям его политических противников. Сохранилось два письма правителя Сидона **Зимредды** (ЕА 144; 145). В них он жалуется на войска хапиру, которые захватили все подчиненные ему города, и просит фараона выслать ему войска для их освобождения. На основании этих писем трудно сделать вывод о политических планах Зимредды. Однако его имя, прямо или косвенно, будет постоянно фигурировать и в связи с блокадой Цумура, и в связи с конфликтом с Библом, и с жалобами тирского правителя на оккупацию Усу. Вероятно, незадолго до начала кризиса Аменхотеп III лично посетил Сидон с визитом, что может указывать на большую роль города в египетской внешней политике (ЕА 85:69-74).

Важным обстоятельством можно также считать принадлежность Зимредды к старой правящей династии (ЕА 144:33-34), что не могло не подогревать давнего соперничества Сидона с соседями, которое с переменным успехом продолжалось вплоть до конца античного времени.

В решении внешнеполитических вопросов большое влияние на позицию местных правителей оказывала социально-экономическая ситуация внутри их собственных городов.

В Библие шла непрекращающаяся ожесточенная борьба между группировками знати за политическую ориентацию города. Сторонники Риб-Адди, очевидно находившиеся в меньшинстве, упорно настаивали на необходимости противостояния врагу в ожидании военной и политической помощи из Египта. Несмотря на то, что дипломатические послания в адрес египетского двора по большей части оставались без ответа, сторонникам Риб-Адди удавалось удерживать город от присоединения к движению хапиру.

Более напряженно складывались отношения Риб-Адди со своими хупшу. Словом «хупшу», как следует из его писем, называли людей, состоявших на службе у местного царя. Библиские хупшу имели свои земельные наделы, получаемые, возможно, за военную службу, но вследствие постоянных набегов воинов Абди-Аширты они не могли обрабатывать их. По своему статусу хупшу, вероятно, были свободными людьми, потому что имели возможность переходить из одного города в другой, от одного правителя к другому, а в случае крайней необходимости могли по своему усмотрению распоряжаться своим имуществом и своими детьми.

Как свидетельствуют письма Риб-Адди, воины Абди-Аширты регулярно устраивали набеги на окрестные поля и сады с целью грабежа, что вызывало недовольство, прежде всего, рядового населения. Постепенно город стал испытывать острый недостаток продовольствия и, чтобы предотвратить голодные бунты хупшу, царь начинает кормить их за счет государственных средств. Однако возможностей казны не хватало, и Риб-Адди обратился к фараону с просьбой выделить ему средства для покупки зерна в Цумуре или Йаримуте. Продовольственный кризис усугубился вследствие морской блокады, которую устроили соседние города. Кроме того, в северных районах провинции началась эпидемия какого-то инфек-

ционного заболевания, очевидно, чумы. В Библе был введен карантин, а людям из Цумура было запрещено въезжать в город, что вызвало недовольство египетских чиновников в провинции (ЕА 96). Карантин еще более обострил продовольственную проблему, хотя не ясно, шла ли речь о болезни среди людей или только среди животных.

До самого Библа эта эпидемия, судя по всему, не дошла, но нехватка продовольствия и отсутствие средств на его приобретение в Цумуре или Йаримуте вынуждало хушшу продавать в рабство (долговая кабала?) своих детей и распродавать свое личное имущество. Это упомянуто в ряде писем библиского правителя, например, ЕА 74, 75, 81.

Риб-Адди пытался направить в Библ поток продовольственных товаров, который раньше шел в Цумур. Это означало бы получение ряда административных функций регионального центра, например, продажу и распределение продовольствия для всей провинции (ЕА 85:31-37). Эти попытки не увенчались успехом.

В канцелярии Аменхотепа III внимательно следили за всем происходившим в азиатских провинциях: за бесконечными интригами и регулярными доносами друг на друга царьков-правителей, а также за сообщениями о возможной сделке Амурру с Вавилоном, Митанни и позднее с хеттами. Но, очевидно, сознавая невозможность военного вмешательства в действия осмелевшего Абди-Аширты, египтяне ограничивались дипломатическими шагами, направленными на установление уже де-факто отношений с представителями новой политической силы. Нельзя недооценивать и внутриворцовую борьбу кланов за спиной престарелого фараона. У многих правителей азиатских городов были свои покровители при египетском дворе, которые отстаивали их интересы. В этой связи примечательна политическая игра египетского наместника Паханате в Цумуре. Полагают, что именно по его рекомендации Абди-Аширта, по крайней мере неофициально, был признан соправителем (наместником?) провинции Амурру. В свою очередь из других писем Риб-Адди (ЕА 79, 73, 74,

77, 79, 82, 86, 87, 93, 109, 117) явствует, что его самого связывали особые отношения с высокопоставленным чиновником по имени Аманаппа. Очевидно, что Аманаппа обладал большим весом в канцелярии фараона, но, судя по тому, что ему так и не удалось помочь библитам с продовольствием, он не смог в тот период противостоять влиянию покровителей клана Абди-Аширты при египетском дворе, к которым, скорее всего, принадлежал не менее влиятельный Йанхаму.

Такая расстановка сил, конечно, могла быть только на руку клану Абди-Аширты, который старался отслеживать переписку не только Риб-Адди, но и других местных правителей с Египтом, не гнушаясь перехватом почтовых курьеров. При этом отсутствие действенной реакции египетского двора на настойчивые призывы о помощи из Библа еще больше провоцировало сторонников Абди-Аширты на активизацию захвата финикийских городов (ЕА 92:16-26; 139: 33-40; 74: 39-41). Тем не менее, победный марш предводителя хапиру был остановлен буквально у самых стен Библа благодаря военному вмешательству египтян, совершивших поход на Цумур (ЕА 138:28-33, 16-26; 84:13). После этой операции, в результате действий египетской администрации и интриг, возможно, не без участия своих сыновей, Абди-Аширта был выведен из политической игры

После исчезновения Абди-Аширты политическое равновесие было на время восстановлено: библский правитель вернул под свое управление окрестные городки и деревни, в Тире был смещен неизвестный нам по имени узурпатор и назначен новый правитель Аби-Милки (из раннее правившей династии?), в Цумур вернулся наместник. При этом, вновь началась борьба за лидерство среди прибрежных городов – Арвадом, Тиром, Сидоном, Библом и Берутой. Одновременно активизировали политическую борьбу сыновья Абди-Аширты (ЕА 103). Наиболее влиятельным, хотя не самым старшим по возрасту, в клане наследников последнего был **Азиру**, который является автором нескольких писем, адресованных в Египет; он неоднократно упоминается в письмах правителей прибрежных го-

родов из амарнского архива, а также в письмах из архива угаритских и хеттских царей.

Очевидно, что наследники Абди-Аширты на первых порах воздерживались от переписки с египетским двором, укрепляя свои позиции в городах провинции Амурру. Первые письма Риб-Адди, самого активного корреспондента египетского двора, сообщают о захвате сыновьями Абди-Аширты почти всех значительных городов провинции Амурру и о начале блокады Цумура как о свершившемся факте (ЕА 103, 104 и другие).

В блокаде участвовали, помимо войск хапиру, наступавших с суши, также корабли Арвада с моря. К этой коалиции примкнули Тир, Берута и Сидон (ЕА 114; 118). Несмотря на предвзятость и намеренную драматизацию этой операции библиотом, из его писем видно, что блокада носила главным образом демонстративный характер. Вполне вероятно, что Азиру лишь выжидал удобного момента, чтобы вынудить египетскую администрацию признать его правителем Цумура (наместником Амурру?).

Что касается позиций участников коалиции, то причины их участия в блокаде Цумура были разными. Можно предполагать, что Арвад, в котором правили «люди города», а не царь, воспринимал эту блокаду как своеобразную торговую операцию, приносящую сверхприбыль. Не случайно Риб-Адди отмечает, что богатство Абди-Аширты хранилось у арвадцев, а после его смерти эти богатства были переданы его сыновьям (ЕА 105). Очевидно, что хранение и передача богатств были не безвозмездными.

Участие Сидона и Беруты можно, вероятно, объяснить страхом их правителей перед набравшими силу сыновьями Абди-Аширты и перед собственным населением, которое могло, следуя примеру других городов, уничтожить своих правителей и присоединиться к отрядам хапиру.

Теми же соображениями мог руководствоваться и тирский царь Аби Милки, не говоря уже о постоянном давлении сидонян, союзников Азиру, на Тир, использовавших полную зависимость островного города от снаб-

жения водой и продуктами питания с материка. С другой стороны, сообщения Риб-Адди об участии Тира в блокаде Цумура можно объяснить и тем, что тиряне, подданные Аби Милки, могли участвовать в этой операции либо без санкции правителя, либо при его молчаливом, вынужденном согласии в условиях действительно жесткой блокады своего города со стороны Сидона.

В это время в Библи заметно ухудшилась социально-политическая обстановка. Хупшу стали проявлять свое недовольство еще более активно, чем во времена Абди-Аширты. Новым в их поведении стала тактика бегства от своего правителя в города-соперники Библа и присоединение к войску хапиру. Недовольство подданных, оставшихся в городе, Риб-Адди пытался безуспешно подавить с помощью силы (ЕА 138). «Люди города» разделились на два лагеря: один поддерживал правителя в ожидании прибытия военной поддержки из Египта, второй, в том числе и ближайшие родственники царя, призывали правителя капитулировать перед Азиру. Осознавая угрозу своей жизни, Риб-Адди отбыл в Беруту к Аммунире в ожидании результата миссии своего сына в Египет, которого он послал ко двору фараона. Однако после четырехмесячного ожидания выяснилось, что царский сын так и не был допущен к фараону. В письме ЕА 137, которое повествует о пребывании библита в Беруте, встречается просьба Риб-Адди в качестве альтернативы Библу дать ему под управление другой населенный пункт, где бы он мог провести в безопасности остаток своих дней. Однако даже эта скромная просьба не была удовлетворена египтянами.

После нескольких лет (месяцев?) тщетного ожидания вмешательства египтян в происходившие события Риб-Адди был свергнут в результате заговора его ближайших родственников, а его сыновья были отданы их дядей на милость лидеров хапиру, о чем сообщает уже Аммунира из Беруты (ЕА 142,18-24).

Египетский двор готовился к военной операции в регионе, но она, очевидно, из-за смерти фараона Эхнатона, не состоялась. Последней дипломатической попыткой сохранить проегипетскую ориентацию Азиру стало письмо EA 162, вторая часть которого содержит категорический ультиматум с требованием прибыть в Египет либо прислать одного из своих сыновей. Азиру не решился вновь отправиться на берега Нила и, видимо, не стал отправлять туда сыновей.

Что касается судьбы Риб-Адди, то судя по письму EA 162, он, возвращаясь из своей очередной поездки, очевидно, в Беруту к своему союзнику Аммунире, не был допущен обратно в Библ, где произошел дворцовый переворот, инспирированный амурцами и осуществленный братом царя и его окружением. Найдя приют в Сидоне и видя тщетность своих усилий вернуть трон, Риб-Адди обратился за помощью к Азиру, предлагая ему большой выкуп в обмен на возвращение власти. Ответ амурца едва ли был в пользу престарелого библского правителя.

В это же время Азиру официально оформил вассальные отношения с хеттами и окончательно связал судьбу Амурру с хеттским царством. В этот альянс, в силу географических и исторических причин, были втянуты и северофиникийские города Арвад, Уллаза, Цумур и др.

Такое развитие событий в регионе (усиление влияния хеттов и других антиегипетских сил в Сирии) отодвинуло финикийские города на второй план и одновременно заложило основы будущей автономизации южнофиникийских городов-номов, которые, как покажут дальнейшие события, в отличие от северофиникийских городов, находившихся на перекрестке военных и торговых путей к Средиземному морю, представляли меньший стратегический интерес в планах потенциальных завоевателей.

3) Постамарнский политический кризис (первая половина XIII в. до н.э.)

В период последних правителей XVIII династии египетское военнополитическое давление на азиатские владения заметно ослабло. Походы

Тутанхамона (точнее его военачальника Хоремхеба под «руководством» юного фараона) и Эйе (?) не укрепили египетских позиций на вассальных территориях в Ханаане и на юге Сирии. Эти походы носили характер грабительских вылазок. Также они не оказали заметного влияния на историю южнофиникийских городов, которые, как и раньше, продолжали оставаться под формальным протекторатом Египта. Об этом косвенным образом свидетельствует надпись на каменной вазе, происходящей из Мемфиса, на которой запечатлен рассказ о походе **Хоремхеба**, уже ставшего правителем XVIII династии, на 8-ом году правления, в Северную Сирию из Библа. В целом, однако, походы Хоремхеба на север Сирии вплоть до границ Каркемиша не принесли существенного результата.

Ситуация в регионе несколько изменилась при втором фараоне новой XIX династии - **Сети I**, который предпринял поход для «замирения» Палестины, что косвенным образом коснулось и финикийских городов. Основные сведения об этом и последующих походах содержатся в многочисленных надписях и топографических списках фараона в карнакском храме. Несмотря на скудость данных, можно констатировать восстановление египетского доминирования или, как максимум, его усиление, во всех южнофиникийских городах

4) Правление Рамсеса II и развитие международной торговли (вторая половина XIII в. до н.э.)

Сын Сети I, Рамсес II, поставил своей целью восстановить египетское господство в Сирии в прежних размерах, что неизбежно предполагало вытеснение оттуда сильной армии хеттского царя Муваталли. Представляют интерес первый и четвертый походы Рамсеса II, т.к. присутствие фараона на финикийском побережье в непосредственной близости от Библа и Беруты документально подтверждено. Кроме того, археологические находки дают некоторые свидетельства присутствия египтян в самом Библе. Имя фараона фигурирует на нескольких архитектурных фрагментах, что указывает на активное строительство в городе при участии египтян.

Многолетнее правление Рамсеса II и мирный договор с хеттами обеспечили всему Восточному Средиземноморью долговременную стабильность и **благоприятные условия для развития торговли и ремесел**, о чем свидетельствует бурное развитие региональной торговли, прежде всего морской.

Окрепили торгово-экономические связи финикийских городов с **Угаритом**, которые существовали еще в амарнский период. Интенсивная и разнообразная по содержанию государственная и частная переписка, дошедшая до нас большей частью во фрагментах, велась на угаритском и аккадском языках. Сохранилось более двух десятков писем, где в качестве контрагентов угаритян выступают или упоминаются правители и граждане семи финикийских городов: Библа, Тира, Сидона, Берита, Арвада, Ардата, Шукси и Сарепты.

Другим показателем развития международной торговли является разнообразный характер местной и привозной керамики. Среди находок импортной керамики по стилю и технике производства выделяется **кипрская и микенская керамика**. К сожалению, этот археологический материал не дает никаких сведений о политической истории взаимоотношений финикийцев с критянами, микенцами или жителями Алашии. Скорее всего, эти отношения не выходили за рамки взаимовыгодной торговли и, может быть, посреднических услуг библских, сидонских и тирских торговых судов в поставке товаров на южное побережье Палестины.

Развитие хозяйственных связей между городами и государствами было заторможено в связи с изменением политической ситуации в регионе в последние годы жизни Рамсеса II. В этот период торговые связи между Востоком и Западом прерываются. Следствием этого стало исчезновение (начиная примерно с 1200 г. до н.э. по всему Леванту микенской и кипрской керамики).

5) Нашествие «народов моря» (конец XIII – XII вв. до н.э)

При преемнике Рамсеса II **Мернептахе** «народы моря» дошли до Египта по морю и по суше через Палестину, что совпало с крупным вторжением в Западную Дельту ливийских племен. Эти вторжения были отбиты египетскими войсками под предводительством уже не молодого Мернептахом, но они значительным образом повлияли на расклад сил во всем Восточном Средиземноморье.

Собирательное понятие «**народы моря**» включает в себя целую группу разных по происхождению племен и народностей, которые продвигались с севера, из Малой Азии и с островов Эгейского моря, на юг, в Сирию, Палестину и Египет по морю – на ладьях, или по суше – на повозках. К их числу принадлежали греки-ахейцы, шерданы, лука-ликийцы, сикулы, тирсены и другие. Одновременно с этим с Синая и из-за Иордана совершали набеги и, видимо, частично оседали в Палестине и у границ Египта кочевые племена.

Отсутствие письменных памятников сирийско-палестинского происхождения, относящихся к этому времени, объясняется тем, что в регионе, в связи с появлением различных этнических групп, стала развиваться другая система письменности – квадратное письмо, для записи которого использовали недолговечный материал (папирус, пергамент), а климат Сирии мог сохранить лишь немногие записи на камнях, керамике и металле, которые не несут никакой информации по истории региона. Поэтому основным источником по политической истории региона по-прежнему остаются египетские монументальные надписи.

Военные действия египтян в Азии под предводительством **Рамсеса III**, фараона XX династии, видимо, не затронули непосредственно финикийское побережье. Очевидно одно – власть Египта над Азией, включая Финикию, была утрачена.

Одной из основных причин окончательного краха египетского влияния в азиатском регионе стало очередное вторжение «народов моря», которое к восьмому году правления Рамсеса III приняло характер массового

переселения народов, о котором говорится в надписях в Мединет-Абу и которое запечатлено там же на рельефах. Согласно этим свидетельствам, пришельцы, образовав коалицию, разрушили Хатти, Каркемиш, Арцаву, Алашию и разбили свой лагерь в Амурру. Если верить летописцам фараона, то египтянам удалось развалить эту коалицию со стороны Палестины, но это уже никак не повлияло на судьбы финикийских городов.

Северофиникийские города отчасти разделили судьбу Амурру, которое распалось и прекратило существование как государство, и Угарита, который был разрушен и больше не возрождался. Цумур утратил свой статус центра провинции, Ирката пришла в упадок на несколько веков, а следы Ардаты и Уллазы вскоре вообще затерялись. Арвад, по-видимому, сильно не пострадал. Однако полностью зависевшие от поставок продуктов и воды с материка островитяне едва ли чувствовали себя в безопасности во враждебном окружении.

Иначе сложилась судьба **южнофиникийских городов**. Следов массового присутствия «народов моря» там не отмечается, как и указаний на какое-либо значительное военное противостояние. Предполагается, что пришельцы обошли основную территорию Финикии стороной или не задержались там.

б) Период ассирийских военных походов. Автономизация финикийских городов (конец XII – X вв. до н.э.)

Нашествие «народов моря» стало одной из предпосылок начала систематической колонизации Средиземноморья финикийцами. Не менее важной политической причиной начала экспансии финикийцев на Запад стало нарастание ассирийской угрозы с востока, которая в конечном итоге материализовалась в победоносных походах царей Ассирии к берегам Великого моря. Благодаря ассирийским анналам мы имеем некоторые ценные, хотя и лаконичные, сведения об истории финикийцев конца II тыс. до н.э.

Первым ассирийским царем после Шамши-Адада I (1813-1781 гг. до н.э.), достигшим берегов Средиземного моря, был **Тиглатпаласар I** (1115/1114 – 1077/1076 гг. до н.э.) Согласно царским анналам, во время одного из своих походов против арамеев Тиглатпаласар I дошел до Средиземного моря, покорил страну Амурру и захватил город Арвад. После этого он совершил прогулку на арвадских судах по морю до Цумура и поохотился на дельфинов. Эта морская прогулка, по-видимому, имела для своего времени большое символическое значение как свидетельство освоения Ассирией нового политического пространства на побережье «Верхнего моря Заката», возможно, как плацдарм для будущих завоеваний на западном направлении. Однако более важным для понимания истории Финикии является краткое упоминание о получении Тиглатпаласаром I дани в этом городе, а также дани от Библа, Сидона и Арвада, что свидетельствует о том, что эти города, вероятно, были независимыми от Египта.

Можно предположить, что в планы ассирийцев не входило завоевание южнофиникийских городов. Их стратегической задачей было обеспечение безопасности караванных торговых путей, ведущих в страну Хатти и Амурру через земли беспокойных арамейских племен. Не случайно большинство текстов об этом походе касаются событий, происходивших на территориях между Тадмором (Пальмирой) и Средиземноморским побережьем. Нельзя исключать и того, что ассирийское войско было просто не готово к сложному переходу от Арвада на юг вдоль побережья.

Последующие упоминания о походе до «Верхнего моря страны Амурру» одного из сыновей Тиглатпаласара I **Ашшур-бел-калы** (1073-1056 гг. до н.э.) воспринимаются исследователями как вымысел, так же как и его рассказ о морской прогулке и охоте на дельфинов, напоминающий аналогичный сюжет в надписях его отца. Эти сообщения ничего не добавляют к сведениям о финикийском побережье в тот период.

Ассирийские источники, в целом, свидетельствуют о том, что финикийские города оказались на время под давлением новой политической

силы, появившейся в регионе. Однако, очевидно, ассирийская власть не была тяжким бременем, поскольку ассирийцы ограничились сбором дани и, возможно, формальным признанием своего господства.

Ценным источником по политической истории финикийских городов конца II тыс. до н.э. является рассказ о **путешествии Ун-Амуна в Библ**. Сюжет повествования представляет собой описание поездки египетского эмиссара Ун-Амуна в Библ за кедровым лесом для храмовой ладьи Амона-Ра в первой половине XI века до н.э. Общим фоном поездки послужила напряженная внутривосточная ситуация, сложившаяся в Египте в то время.

Распад Египта на две части стал временем окончательного крушения египетской власти в Сиро-палестинском регионе и выхода финикийских городов из многовекового подчинения фараонам, что, однако, не означало прерывания связей между ними, хотя их характер приобрел другие черты. Это обстоятельство детальным образом просматривается в рассказе египетского посланца.

Ун-Амун отбыл из Таниса в сторону Ливана за строительным лесом и по пути остановился для пополнения запасов продовольствия в порту города Дор, где проживали зекерийцы – один из «народов моря». Здесь же один из членов команды египетского эмиссара похитил с судна золото и серебро. Просьба Ун-Амуна к правителю города Бедеру найти похитителя и похищенное осталась без ответа.

Конечным пунктом плавания египтян был Библ. В это время Библом правил Чекер-Баал. Ун-Амун предпринял попытку получить кедровый лес из Библа бесплатно, ссылаясь на то, что он нужен для строительства священной ладьи Амона-Ра, но получил резкую отповедь от Чекер-Баала. Библьский правитель потребовал принести и продемонстрировать гостю многолетние записи торговых операций, связывавших египтян еще с его предками на основе равноправия и взаимной выгоды. Чекер-Баал прямо

заявил, что не считает себя подданным правителей Египта, которые послали Ун-Амуна, и готов поставлять лес только при условии оплаты.

В поисках компромисса Ун-Амун написал письмо в Египет на имя правителя Несубанебдеда и его жены Тент-Амун с просьбой выслать необходимые средства, и отправил его вместе с библским гонцом. После получения из Египта требуемой суммы Чекер-Баал послал в горы 300 мужчин и 300 быков для заготовки древесины. Примерно в это же время к берегам Библа подошла эскадра из 11 судов зекерийцев, которые потребовали от царя выдать им египетского эмиссара. Библский правитель не стал возражать против задержания Ун-Амуна, но только при условии, что это произойдет после отплытия египтянина из города.

Получив кедровый лес, Ун-Амун отбыл из Библа и, по воле морского течения, оказался в Алашии. Там его жизнь также подверглась опасности со стороны жителей острова. Лишь вмешательство местной царицы Хетеп спасло ему жизнь. Далее рассказ прерывается, но судя по тому, что текст все-таки был написан, можно заключить, что Ун-Амун в конце концов благополучно вернулся в Египет.

Этот рассказ имеет большое историческое значение, сохранив для нас небольшие, но важные исторические детали о политической и социально-экономической истории Библа и его взаимоотношений с соседними городами. Поставки в Египет кедрового леса из Библа имели давнюю традицию, хотя этот город не был единственным пунктом заготовки леса. Выбор египтянами именно библского леса можно объяснить не в последнюю очередь сакральным статусом этого города и, соответственно, его окрестных лесов, расположенных в «стране Бога».

На рубеже II и I тыс. до н.э. Египет окончательно потерял свое влияние в Восточном Средиземноморье, а финикийцы получили возможность начать самостоятельное существование и, в числе прочего, торговать на равных с Египтом, что нашло свое отражение в рассказе Ун-Амуна.

Глава VI.

Политико-административное устройство финикийских городов

В политико-административном отношении города финикийского побережья представляли собою номы. Согласно определению И.М. Дьяконова, такой город-государство обладал небольшими размерами, соответствующими одной или нескольким территориальным общинам, обладал естественными границами – горами, морем, имел центр в виде храма местного божества, вокруг которого находились административные здания, в нем сооружались продовольственные и иные склады, арсеналы оружия. Центр города был обнесен крепостной стеной. Такие города-государства преимущественно, но не обязательно, имели монархический строй, обычно при сохранении органов общественного самоуправления (совет старейшин, народное собрание). Таким образом, ном представлял собой миниатюрную модель государства, т.е. «большой город/маленькая страна».

Такой тип организации города был характерен во II тыс. до н.э. для большинства государственных образований Передней Азии и бассейна Эгейского моря. Применительно к южнофиникийским городам стоит иметь в виду, что их номовая организация и политическая раздробленность оставались неизменными очень долго, даже тогда, когда по соседству возникали территориальные государства.

Анализ письменных источников позволяет представить политико-административную систему управления в египетских владениях в Сирии и Палестине в годы правления Аменхотепа III и Аменхотепа IV следующим образом:

Наместники

Согласно амарнской переписке, территориально египетские владения в Азии были разделены на три провинции – Амурру, Упе и Ханаан. Границы между этими провинциями были достаточно условны. Так, про-

винция Упе со столицей в Кудуми, включала в себя обширные районы Заиорданья и Центральной Сирии. Крупнейшими городами этой провинции были Кадеш и Дамаск. Провинция Ханаан со столицей в Газе включала в себя районы Палестины, непосредственно примыкавшие к Египту. Финикийское побережье, наряду с Северной Сирией, входило в состав провинции Амурру, с административным центром в Цумуре.

Особую роль в проведении региональной политики Египта играли египетские наместники *rābi'āi* (MAŠKIM), стоявшие во главе провинций, или наместничеств. Там же находились и резиденции *rābi'āi*. Наместниками, как правило, назначались чиновники египетского происхождения. В их функции входило обеспечение интересов Египта в провинции. Они были обязаны сообщать фараону о всех происходивших событиях в своей провинции, о передвижениях враждебных войск у границ египетских владений. В случае необходимости каждый из них осуществлял оборону провинции, командовал египетскими гарнизонами, расквартированными там же. В ряде случаев наместник мог вмешиваться во внутренние дела подвластных ему городов, выступать в роли арбитра при возникновении споров между ними. Местные правители были обязаны выполнять его распоряжения. Основной обязанностью *rābi'āi* был сбор налогов, а также хранение и распределение материальных ценностей, принадлежавших фараону. Несмотря на обширные полномочия функции царских наместников по существу сводились, прежде всего, к общему руководству, к передаче распоряжений, к контролю за исполнением приказов фараона и т.п.

Правители городов

Главой финикийских городов-государств был царь, титул которого варьировался в зависимости от эпохи и протокольных требований. В амарнскую эпоху для обозначения правителя использовались термины, известные нам в аккадской передаче – *šarru*, LUGAL («царь»), *Úzannu* («правитель»), *amēlu*, LÚ («человек»). Дипломатическая переписка того времени показывает, что несмотря на внешние различия все эти термины

использовались равнозначно и означали титул правителя города. Сами же местные цари при обращении к фараону обычно называют себя либо – *ardu* («раб»), либо просто – *amēlu* («человек»). К числу важнейших политических обязанностей правителей относились:

1) Защита «городов господина» от внешней угрозы и сохранение внутренней стабильности. Цари/правители не могли самостоятельно покинуть свои города без соответствующего разрешения фараона и до прибытия должного их заместить на посту чиновника.

2) Обеспечение содержания городов и охраны их ворот, культивирование сельскохозяйственных наделов вокруг города и отправка сезонных рабочих для работы на полях в отдаленные районы размещения египетских гарнизонов и обеспечения их продуктами питания. Военно-стратегический запас продовольствия хранился в специальных хранилищах в местах постоянной дислокации египетских войск.

3) Обеспечение сбора налогов.

4) Снабжение египетских войск продуктами питания и тягловым скотом, организация их постоа во время проведения военных маршей по территории провинции.

Власть местного царя часто передавалась по наследству. Связи между государствами были связями между царями. Во время войн цари иногда возглавляли армию и флот. В ряде городов правили династии. Но одновременно правителями могли быть назначены и лица не царского происхождения, как например, правитель Иерусалима Абди-Хеба.

Армия

Важное место в поддержании порядка отводилось войскам. Известны египетские войска двух назначений: *āibē piāti* и *āibē maārti*. Первые представляли собой мобильные воинские подразделения, находившиеся у границ египетских владений. Вторые находились в распоряжении местных правителей и расквартировывались в городах и их окрестностях.

Эти войска не только укрепляли власть местных правителей, но и нередко защищали их от собственных подданных. В обязанности египетских воинов входила и защита городов – центров провинций, резиденций наместников, где не было правителей местного происхождения (Цумур, Кумиди и Газа), а также населенных пунктов, где располагались стратегические запасы продовольствия – Йаримута в Амурру и Яффа в Ханаане.

Посланники

Осуществление и поддержание дипломатических контактов с зарубежными государствами и подчиненными провинциями обеспечивали посланники – *mār-šipri*. Посланники выбирались из числа служилой египетской знати, подходящей по опыту для работы во внешней политике. Полномочиями посланников наделялись писцы, лучники, переводчики и др. Их функции заключались в доставке дипломатической корреспонденции; передаче устных сообщений; прояснении ситуации на местах (в этом случае их иногда сопровождал переводчик – *targumannu*); доставке подарков, адресованных египетскому двору; сопровождении до Египта и представлении ко двору детей правителей, заложников фараона, невест фараонов; изредка в сборе налогов с подчиненных территорий и др. В целом же их реальные полномочия ограничивались главным образом доставкой подарков ко двору фараонов.

Военно-политические события XIV-XIII вв. до н.э. показали, что несмотря на сосредоточение в руках царей значительных богатств, в том числе золота, серебра, кораблей, и наемных гвардий, их фактические возможности были ограничены. Они далеко не всегда обладали полнотой власти для принятия самостоятельных решений внутри своих владений, даже находясь под покровительством и защитой могущественных фараонов Египта. Одной из причин слабости правителя в финикийских городах в этот и последующие периоды было то обстоятельство, что плотность населения в регионе была невысокая, общество было неоднородным по этническим признакам, не существовало эффективных способов контроля

над подданными, средства связи были не развиты. Нередки были случаи, когда большие группы населения переходили от одного правителя к другому в поисках лучшей доли, что наносило значительный ущерб стабильности их городов. К этому можно добавить постоянные интриги и соперничество между городами за лидерство в регионе, контроль над торговыми потоками и налоговыми отчислениями. Это объективно не способствовало укреплению авторитета правящих династий в глазах подданных.

С другой стороны, власть правителей на местах ограничивалась **советами старейшин** («люди такого-то города»), упоминания о которых встречаются в переписке. Такие собрания-коллегии горожан существовали во многих городах Восточного Средиземноморья. Содержание и объем их прав и полномочий могли отличаться друг от друга в разных городах.

Заключение содержит краткие итоги проведенного исследования.

Политическая, социально-экономическая и культурная история населения, проживавшего в городах Восточного Средиземноморья во второй половине II тыс. до н.э., четко делится на две эпохи: египетскую и пост-египетскую. Рубежом этих эпох можно считать падение в Египте фараонов XIX династии, окончательно утративших власть, влияние и авторитет своей страны в некогда зависимых от нее азиатских провинциях. Многочисленные города-номы побережья получили возможность самостоятельно проводить внешнюю политику, развивать торговые и иные связи с соседями, обсуждать и регулировать возникающие конфликты без оглядки на иноземного хозяина. Вместе с тем эти города оказались беззащитными перед набиравшей силу Ассирией. Вероятно, эта опасность стала одной из причин активизации ранее спорадической колонизации территорий в Западном Средиземноморье тирянами и сидонянами.

Таким образом, после завоевательных походов первых фараонов XVIII династии в Сирию и Палестину (конец XVI – XV вв. до н.э.) финикийские города попали под политическое и экономическое влияние Егип-

та, который сумел установить свое господство на всем восточно-средиземноморском побережье вплоть до Угарита.

Ослабление египетской власти в Азии в Амарнский период (XIV в. до н.э.) привело к развитию центробежных сил в зависимых от египтян вассальных государствах и, как результат, к глубокому политическому и социально-экономическому кризису, который затронул все слои общества и имел большое влияние на дальнейшее развитие региона.

В период последних правителей XVIII династии (первая половина XIII в. до н.э.) египетское военно-политическое давление на азиатские владения заметно ослабло. Походы египтян стали носить характер грабительских вылазок. Южнофиникийские города продолжали оставаться под формальным протекторатом Египта, в то время как северофиникийские города были втянуты в антиегипетскую коалицию под руководством хеттов.

На следующем этапе (вторая половина XIII в. до н.э.) многолетнее правление Рамсеса II и его мирный договор с хеттами обеспечили всему Восточному Средиземноморью долговременную стабильность и благоприятные условия для развития торговли и ремесел. Однако развитие хозяйственных связей между городами и государствами было заторможено в конце XIII в. до н.э. и в XII в. до н.э. нашествием «народов моря». Одни северофиникийские города пришли в упадок, другие прекратили существование. Южнофиникийские города, напротив, продолжили свое развитие, т.к. следов массового присутствия «народов моря» и разрушений в этих городах не обнаружено. Начиная с XII-XI вв. до н.э. можно говорить о сложившейся «классической» финикийской цивилизации, ставшей непосредственным результатом и прямым продолжением «доклассического» пути развития этой цивилизации, начавшегося в XV в. до н.э.

С другой стороны, нашествие «народов моря» в регион привело к притоку в южнофиникийские города соседнего северофиникийского и ханаанейского населения из Палестины, что вызвало демографическое на-

пряжение. Это напряжение стало одной из главных предпосылок начала систематической финикийской колонизации Западного Средиземноморья, которая на первом своем этапе была тирской, а затем и сидонской.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в журналах, включенных в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук»:

1. *Юнусов М.М.* Баалат Губль и Хатхор: из истории отношений Библа и Египта в эпохи Старого и Среднего царств // Вестник древней истории. 2005, № 2 (т. 253). С. 3–14 (0,8 печ.л.).

Прочие публикации по теме диссертации:

2. *Юнусов М.М.* Библия аморейского периода // Ассириология и египтология. СПб.: Восточный факультет СПбГУ, 2004. С. 49–63 (0,6 печ.л.).

3. *Юнусов М.М.* Филон Библийский об одном аграрном культе в Финикии // Ассириология и египтология. СПб.: Восточный факультет СПбГУ, 2006. С.30–47 (0,5 печ.л.).

4. *Юнусов М.М.* Из библейской топонимии: Финикия // Актуальная библеистика. Вып. 4. Кирово-Чепецк: Издательство «Мировая библеистика», 2011. С. 6–20 (0,5 печ.л.).